

АНРИ КОЛОМОН

НА ВИЛЛЕ МОНТАНЬЯ- ГРАНДЕ

ИЗ РОМАНА «ФРАНСУА
И МАЛЬВАЗИ»

Анри Коломон

**На вилле Монтанья-Гранде.
Из романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

На вилле Монтанья-Гранде. Из романа «Франсуа и Мальвази» /
А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834074-1

Жизнь богатых имений со множеством слуг и служанок являлась своего рода местным двором и высшим светом для многих, не только для пребывавших там сеньоров. Какие страсти и канва событий, с тем связанных, разворачивались там за стенами и в пределах, достойно внимания и описания по крайней мере с двух представленных сторон.

ISBN 978-5-44-834074-1

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Вылитая Копия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

На вилле Монтанья-Гранде Из романа «Франсуа и Мальвази» Анри Коломон

© Анри Коломон, 2016

ISBN 978-5-4483-4074-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское Наследство в начале XVIII-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

Любовь —
Зачем ты мучаешь меня?!

Сгорю ли я?!
– Сгорю ли я?!
Сгорю ли я в порыве страсти!
Иль закалят меня напасти!

И в этой пытке!
– И в этой пытке!
И в этой пытке многократной!
Рождается клинок булатный!

Вылитая Копия

* * *

В ранний рассветный час подъезжает карета княгини.

Местоположение виллы Монтанья-Гранде между морем и сушей, приподнятой над берегом, приходилось как раз на гребень поднятия, что делало то место краем, от которого с одной стороны опускался пологий уклон к воде, а с другой лицевой стороны продолжалось ровное место. Оно незаметно переходило от естественного покрова со светлым полотном дороги через еле заметную, редкую ограду, на открытую на первый взгляд ровную площадку двора, заставленную однако же бортиками клумб и бассейна.

Позади же коричнево-светлого здания изящного барокко, высившегося над склоном, опущение представлялось где ровным, где обрывистым, как за огражденной терраской над заводью пруда, неподалеку от подножия и больших прямоугольных окон, а где просто всхолмленным, но так или иначе полностью заросшим и обросшим почти до самого песчаного берега, куда меж райских кущ садовой зелени опускалась террасками белая лестничная дорожка.

Въехала карета с эскортом, который сразу же по остановке был отпущен на все четыре стороны вместе с полученным на всех весомым кошелем.

Приезд был ранний и неожиданный, поэтому из слуг, встречавших княжну по прохождению ее по лестнице наверх успели только бодрствовавшие стражники из охранения и только две служанки, поднявшиеся столь рано по служебным обязанностям. Несмотря на то, что приезд сеньоры событие для домашней челяди большой важности, и слуги, и служанки застыли в преклоненных позах, глядя на них можно было бы заметить переглядки. Виновницей сего события была хрупкая фигура, тонкие черты, очарование и восточная прелесть в лице: что-то креольское, или даже сарацинское, но скорее всего столь зачаровывающее на лице смуглянки выразились итальянские мотивы. Марселина же вызывавшая в одном парне много нестерпимых душевных чувств, что они прорывались через стеснение, сама напротив была к нему ярко выражено равнодушна. Да и был этот молодчик ей в самом деле неподходящ: широк и статен, неуклюж и вязок, и это при ее-то резвости, чувствуемой даже в неподвижной позе. И в дородных продолговатых чертах лица, толстых в палец губах – все в полную противоположность ей, но как раз в этом несоответствии через обратное сеньора княгиня, смотревшая что называется «со стороны» нашла, что они очень подходят друг другу. Но ее более интересовали свои чувства. Обуреваемая ими она еле сдерживалась, чтобы не дать искушению нескромной радости прорваться нескромным вопросом. Мальвази поднимаясь по ступеням бессловно указала Марселине идти за ней. Та, уходя, приснула, заметив, что увалень не сориентировавшись по изменившейся обстановке продолжал стоять в согбенном положении к ним задом.

Гостиная зала, очень большая, обставленная роскошью, свойственной дому Спорада, повлияла на вошедшую приезжую так, как влияет свойственная душе обстановка, в которой чувствуешь себя как дома. Сеньора Мальвази и была дома, входя и проходя вместе со служанкой на удобное место, где ей с нетерпением хотелось поскорее расспросить.

Поснимав перчатки с рук резкими срывающими движениями и бросив их на широкую заднюю спинку софы, Мальвази разом же и уселась напротив стоявшей Марселины, выжидающе вопросительно взглянув на нее, взволнованно в это же время положив обе руки на четко очерченный из-под низу подол. Марселина видя, что госпожа приготовилась и ждет услышать то, зачем она сюда приехала, все же начала не с того.

– Наконец-то вы вырвались сеньора, вы снова здесь! – воскликнула она с оттенком неподдельной радости.

– Благодаря тебе. Не твое бы письмо, я не в жизнь бы не решилась! Да, а... Где тот, о ком ты писала?

– Он занимает комнату этажом выше и к настоящему времени еще наверное не проснулся.

– А он...?

– Вы все решите сами. Я право и не знаю, что и говорить о нем, но вы сами когда увидите его поймете, что я должна была вам обязательно написать то, что я написала, – прочувственно проговорила Марселина и обратив внимание на какой-то шорох, указала рукой. – А вот наверное и он идет. Идите скорее, встретьтесь на лестнице, пока никого нет!

Мальвази с волнительно колотящимся сердцем поспешно встала и направилась к дверям, со страхом и радостью думая о том, кого она может там встретить? В груди казалось готово было разорваться, когда она подходя слышала, и причем отчетливо, что в тоже время с коридора один за другим быстрые шаги приближаются все ближе, и вот!... в раскрывшейся створке она увидела его! Их взгляды встретились, но так как он продолжал идти не смоги остановиться сразу, а взгляд его был устремлен вперед, то не смотря под ноги и как не чувствуя их, наступив на небольшой порожек, следующим шагом запнулся и не выровняв положение, чуть не налетел на сеньору. Но вовремя спохватившись, он выпрямился, затушевав оказию движением руки соответствующим реверансу поклона. Он был такой же, но с более волнистым волосом, рассматривала она его почти с ужасом, совсем загорелый, старше и мужественней, лишь только черты лица чем-то напоминали знакомые, а вроде бы и совсем не он, но похож... Совсем запутавшись, она чуть не вскрикнула, когда он вновь поднял на нее глаза, такие знакомые, чуть не склонившие ее к великой радости. Выразительно с надежной глядя в них и не находя ничего кроме интереса к ней, сильно опечалилась и как последний всплеск надежды или слабости было то, что она еле прошептала, смутившись к окончанию:

– Франсуа...

Франсуа не было, это она словно бы вновь явственно поняла с тем, как услышала от самой себя это милое печальное слово, столь неуместное в данной обстановке и несбыточное в последующей жизни, что почувствовала себя непонятно равнодушно, после этого нахлынувшего: отчаянно жаль невозвратимое.

Наблюдавший за чувствами, охватившими сеньору, молодой человек, словно бы чувствуя за собой вину, что не оправдал собою ее надежд, оказавшись не тем, высоко эмоционально переживая ее печаль, и как будто перебирая с этим, что можно было бы подумать, он насме-

хается или гримасничает после прошептанного: «Франсуа», горечно ужася и не выдержав, бросился перед ней на колени:

– Сеньора! Я знаю о вашем горе!.. уверил он. – Я вам его заменю!

Но ее минутная слабость прошла и она выразительным взглядом осадила его пылкость.

– Пойдите вон, кто вам сюда позволял входить?! Закройте дверь с другой стороны!

Растроганный до глубины души несчастьем сеньоры молодой человек в темном или черном костюме, имевшем оттенок траурности ровно настолько, насколько имело оно его лицо – нинасколько, когда его осадили и выставив вон, показали спину, так же до глубины души оказался раздосадованным и вид его теперь представился жалким и побитым. Неожиданный оборот как обухом по голове прозвенел в его голове, после чего оставалось только чтобы не портить карьеру, обратиться по добру по здорову, не раздражать. Только он это сделал, постаравшись все же как можно пошумней закрыть за собой дверь и сам не зная, что этим хотевши добиться, как Марселина переведа от дверей робкий взгляд на проходившую сеньору, виновато попросила:

– Простите меня пожалуйста, я вам принесла только лишние огорчения.

– Неправда. Воспоминания о нем самое лучшее, что у меня осталось, – глубоко разочарованно вздохнула княгиня. – Тем более, что он действительно немного похож и тебе ничего другого не оставалось, как сообщить об этом мне.

Минуту спустя, прошедшую в молчаливой задумчивости, сеньора Мальвази почувствовала усталость пред несбыточностью надежд, попросила:

– Я устала с дороги, расстели постель и помоги раздеться.

* * *

Неподалеку от виллы Монтанья-Гранде, но подальше от моря, в зелени сада расположилась вилла Дианы Тарифа в окружении проглядывавших решеток и стен. Сама же тетка Диана взобралась на самое высокое место на открытую беседку бельведера и собиралась пробить там долго за питейным времяпровождением. День выдавался ясным и приветливым, и к тому же событийным. С самого утра она знала, что приехала к себе на виллу княгиня де Монтанья-Гранде, и так что день действительно представлялся интересным, главным образом последующими событиями, которые старая Диана хотела пронаблюдать с высоты бельведера. Ждала она главным образом того, что эта мерзавка Клементина, которую она опасалась как огня, поедет нанести визит, и как она это проделает, было интересно посмотреть! На то и нарочно бельведер был поднят так высоко!

Пока же тетка Диана обзревала сверху свою виллу. Кругом все выглядело в лучшем ярком свете. Свежий ветерок с видимого отлично синего моря способствовал аппетиту. Живописнейшие окультуренные окрестности только придавали настроению внешний комфорт. То же, что называется внутренний комфорт, или вернее сказать душевному спокойствию очень способствовало то, что ее воспитанник занимался умом, играя с учителем сеньором Ласаро в шахматы и уже довольно долгое время, что означало столь долго сопротивляясь он прояв-

лял при этом большую умственную способность. Только-то и осталось что так косвенно влиять остатками былой роскоши от прежнего прекращённого. Хотя стоило только о Альбертике хорошо подумать, как он не изменяя самому себе тут же нарушил подобные представления, бурно сведя партию на ничью – китайскую, как он сам громко объявил и схватившись за краешек большой шахматной доски навернул ее с немногими оставшимися в живых фигурами на сеньора Ласаро, с которого, а прежде на которого те посыпались как камни. Беседка, где игрались шахматами, была без навеса и вообще находилась на открытом месте, так что старая Диана могла видеть как выражает свое недовольство с едкими сухими гримасами сеньор Ласаро, и как заливается выхлопами звончайшего смеха, отклоняясь спиной на спинку, паскудный толстяк, это дрянной мальчишка, вмиг выведший ее из себя, так что ей от прилива злости захотелось оказаться рядом и потумкать острыми костяшками своих кулаков по его бестолковой голове! Руки Дианы нервно сжались и после того, как она дала волю напредставлявшимся как бы она его отволтузила, представила как бы он после этого медленно протяжно и надолго затянулся бы ревом с неизменным под конец: «ду-ра!» – успокоилась, дав чувствам уняться.

...Хотя играл этот балбес в шахматы просто изумительно! И это сеньор Ласаро сам вынужден был ей смущенно признаться, как ему это не было трудно, что такого не удавалось еще никому! На пустой доске в середине загнать единственно оставшегося у черных короля единственно оставшейся у белых королевой – короля в мат! Это невозможно!! Тут ей, Диане, самой немного игравшей в эту игру, пришло в голову, что это действительно невозможно?.. Это трудно даже кучей фигур... Но сомнение развеялось, когда она заменила в своей голове «загнал в мат» на «победил». Она сама это видела: – сеньор Ласаро отвлекся сказать ей как этот чертенок хорошо играет, а тот воспользовался моментом и рубанул короля.

Долго ли, коротко ли, старая Диана так сидела то в думах, то созерцании, все более уходя в себя... как внимание ее привлекло..., она чувствовала такое, что сразу заставило ее прийти в себя, в то состояние, когда кулаки ее снова нервно сжались при виде этой мерзавки Клементины, когда та не просто вышла, но явно намеренно, о чем свидетельствовало в ней все, и в том числе то, как она была одета. Совсем не та распустиха, как она позволяет себе выходить из спальни и прогуливаться дальше без стыда и совести. В одном пеньюаре!

Нечего и говорить, что успокоенного настроения Дианы как не бывало и вся она превратилась в сильно сжатую злость и раздувшееся внимание. Вследствие чего ею было сразу замечено, что платье на Клементине совсем не парадное... Это дало заподозрить старухе совсем уж неладное, и обрадованная возникающими у нее подозрениями Дюха, так и подумавшая про себя, что она покажет этой ..., какая она Дюха, стала неотрывно следить как потаенно пробрается та, стараясь не попадаться на глаза, старательно обходя беседку, где играл Альбертик. Но как ни старалась она затеряться под занавесом зелени, зоркий глаз Дианы видел насквозь, что творилось за спиной у ее горячо любимого воспитанника, болванчика, которого она ни за что не даст в обиду!

Преисполненная сильной решимости проследить за намерением прижитой гадины и вывести черное предательство на чистую воду, после чего выпнуть ее из дому на законном основании, чтобы духу ее больше здесь не было и глаза ее больше не видели: Диана от волнения не сразу даже заметила как Клементина тихонько подошла сзади к Альбертику и осторожно закрыла ему глаза.

– Дюха!?! – начал гадать он, но затем понял, – А-а! Клементина! Ты куда пошла?

...Но все же, куда она пошла? – стала думать и гадать Диана.

– На кудыкину гору, мышей ловить, тебя кормить!

– Я тоже с тобой пойду! – прицепился он к ее руке и рукаву.

– Нет, я скоро приду.

«Скоро» успокоило его, а Диана, глядя на Альбертика, подумала все же как легко ей скрывать свои шашни и обводить своего муженька вокруг пальца. И незачем конечно даже скрываться. Но она-то отсюда, со своего высока, заместо него проследит и вмешается в любое распутство этой шалавы. Куда она все же пошла?

Клементина вышла к воротам, за которыми ее, как оказалось, ждала приготовленная карета и укатила в сторону виллы Монтанья-Гранде. Диане только осталось понервничать на себя из-за того, как она могла пропустить мимо своего внимания такое значимое событие, как подготовка к отправке ее кареты, и не предотвратить.

Диана стала громко звать долго оглядывающегося в непонимании конюха, откуда его зовут, чтобы справиться о том, о сем.

* * *

Проснувшись со вздохом, вызванным беспокойным сном, Мальвази подняла голову и внимательно огляделась. Через открытое на балкон окно проникал сквозняк, создавая неприятное ощущение, так что ей подумалось даже, что она простудилась. Но обошлось, первые ощущения оказались ложными, незаметно заменившись воспоминаниями сегодняшнего утра и размышлениями над ними. На некоторое время они полностью захватили ее; отвлечение же последовало сразу после того, как из-за окна послышалось конское ржание и непродолжительный скрипящий железом шум, вызванный небольшим перемещением осей колес.

Кто-то приехал..? Наверное из-за шума приезда она и проснулась, по крайней мере. Нет, не из-за него, но другого, потому что даже сейчас смутно припоминался какой-то другой шум по пробуждении.

...Дверь залы приоткрылась, показав из-за створки светловолосую головку Климентины.

– Ты не спишь?

– Заходи, присаживайся. Я так рада тебя видеть!

– Я тебя в сто раз больше! Рассказывай!

– О чем? – по-первой смутилась Мальвази, но потом поняв, что от нее ждут, попыталась о чем-нибудь начать говорить, что первое на ум придет, но что попало было безудержно перебито подвижной и языкастой Климентиной, как помнится, услышавшей вопрос: о чем рассказывать...

– Как о чем?! Как это о чем?! У нас в провинции ходят такие слухи, один ужасней другого, а она была там и не может припомнить!

– А-а! – как зевнула молодая княгиня, равнодушно махнув рукой.

– Ну да..а! Смотри, какая она смелая, даже и рассказать ничего не может.

– Что было – то прошло, меня интересует настоящее, о чем я тебя хочу хорошенько расспросить.

– О-го-о! Все последнее время, насколько я тебя знаю, ты жила только своим прошлым. А теперь тебя вдруг заинтересовало настоящее?! Я рада. Но что бы это могло значить? Ах, да! Ты надеешься, что тот писарь может оказаться им?

– Клементина, замолчи! По крайней мере не болтай об этом так легко! Как, каким образом он может оказаться им? Притворяясь зачем-то прежде? Ты убиваешь у меня последнюю надежду. А она у меня было снова появилась.

– Значит ты уже видела его! Ну как?

– Даже и сама не знаю, что подумать. Конечно нет! Но сердце мне подсказывает, что этот франт особенен и слишком уж неестественен.

– Ну, тогда что бы ты подумала о нем побольше, мне нужно тебе рассказать о нем, что я видела. У меня сложилось впечатление, что этот Амендралехо опасный тип, или по крайней мере очень странный, я просто боюсь с ним сталкиваться! Не знаю, что о нем плетет Марселина, но что касается его, то он к ней кажется имеет свой замысел. Вот послушай, что я видела из окна на море, кажется на прошлой неделе... Амендралехо спускался вниз к берегу, а оттуда как раз возвращалась Марселина, ее красное платье очень приметно издали. Так вот, я заметила за ним, что как только он ее увидел, поведение его сразу изменилось. Вместо того, чтобы продолжать свой путь, он моментально свернул на боковую дорожку, стараясь не попасться ей на глаза. Сам же не выпускал ее из поля зрения ни на секунду и так проследил за ней пока она не скрылась. Затем вернулся на центральную дорожку, хотя до берега ближе было дойти по боковой. Я так поняла, что на центральную он вернулся и по ней прошелся специально, чтобы попытаться обнаружить на ней следы того, что Марселина могла делать у берега? Иначе нечего бы ему было наблюдать за ней на всем ее пути, ведь не из каких-же-нибудь чувств к ней он за ней наблюдал? Он бы тогда пошел к ней на встречу. На встречу – выделила Климентина интонацией в голосе. Он же этого как раз не захотел, ну а следил он за ней, чтобы определить, зачем Марселина ходила на берег и несла ли она в руках что-нибудь или нет? Этого ему увидеть не удалось из-за кустов, вот он и пошел по ее следам, допустим посмотреть не осталось ли на камне мокрого песка с подошв, если она сбивала.

– Как бы это не был шпион твоего дядюшки, побрали бы его черти, – испуганно оглянулась Климентина, понижая голос, – боюсь что Марселину решили украть...

Мальвази внимательно слушавшая все, что Климентина видела, равнодушно пропускала мимо внимания домыслы подруги, строя свои и объясняя своими. Они-то несказанно обрадовали молодую выдумщицу. В них она подчеркивала силу надежды, а не подозрений. Поэтому вообще не слыша, чем закончила свои рассуждения собеседница, Мальвази хотелось одно:

поскорее видеть его вновь! И поэтому Мальвази постаралась продолжить разговор, выведя его к тому, чтобы позвать Амендралехо сюда. Слово шпион как раз давало такую зацепочку.

– Но у нас нет никакой возможности доказать, что он шпион. И...

– Но разве ты не можешь отличать ложного от настоящего, говорят тебе правду или врут, особенно мужчины. Я лишь хочу тебе предложить, чтобы ты на него смотрела не только глазами воспоминаний, но и трезвыми проясненными глазам, и без всяких чувств, – ущипнула ее Климентина, и для Мальвази ранее задуманная задача сделалась еще более трудноразрешимой. Ей так показалось, и она просто не нашла сил, чтобы попытаться как-либо выйти на нужное русло. Сказать прямо она уже стеснялась. Молчавшей Климентине хотелось того же самого, но тупик приводил ее к задумчивой успокоенности.

Наконец Мальвази нерешительно, даже слабо упомянула о Марселине, что хотела бы ее видеть. Она также же поднялась с места, на котором незадолго до этого лежала, но Климентина тоже привстала с края стола и через несколько шагов была уже у окна, раскрытого настежь.

Пока она высматривала во дворе к кому бы обратиться и отдавала приказания, Мальвази заняла место поудобней, усевшись в шезлонг.

– Идет! – оборотилась от окна Климентина, заняв удобную позицию у подоконника. То, что она приготовилась к последующему решительно, можно было судить по ее словам:

– Если ты хочешь что-либо выведать у нее – пустая затея. Она что знает – не скажет и другого с испугу напоеет.

– А почему так?

– Потому что она к нему равнодушна. И боюсь как бы он это не использовал, отчего в своем доме ты будешь иметь уже целых два шпиона.

– Климентина, ты клеветничать на отсутствующих.

– Нисколько, я говорю обыкновенные банальности, каждый себе шпион. Кроме, я вижу, тебя самой. Прошлые беды тебя ничему не научили.

– Что ты мне предлагаешь? – с интересом спросила Мальвази.

– Внимательно к нему приглядеться... И если он здесь только потому что похож, его нужно поскорее отсюда гнать. Если даже ты ошибешься, это скоро выяснится.

– Ах, Климентина, сколько лет прошло. Его я готова держать у себя несмотря ни на что, лишь как воспоминание. Ну, как я его выгоню?

– Очень просто. Прошлый твой секретарь насколько мне известно, занимался стихоплетством. Вот и этому скажи оправдать занимаемую должность. Иначе – вон. Если он побежит списывать мадригальчики в библиотеку, это можно будет узнать не копаясь в книгах, стоит лишь проследить за библиотекой, а вернее ее закрыть.

Предупреждая встречный вопрос Мальвази о том, что Амендралехо вполне может написать хорошие стихи, Климентина сошла с места, направившись к двери в коридор, в которую давно бы уже должна была войти позванная Марселина, но которой все еще не было. Ни за дверьми, ни рядом с дверьми ее не оказалось, она поднималась по лестнице снизу, неся что-то в руках.

Климентина повернулась назад и оставив дверь открытой, вернулась на исходную позицию. Нечего и говорить, что позванная Марселина вошла в открытые двери несколько оробелой от сего приема, попав к тому же под испытывающие молчаливые взгляды, она вовсе смутилась, от волнения, покрывшись предательской краской. Но в руках у нее был сосуд с прохладной водой для омовения для проснувшейся сеньоры, и неестественно даже неуместно чуть присев в поклоне в забывчивости против договорённостей, с плеснувшей водой Марселина подошла к сидевшей в шезлонге княжне.

– Не надо, оставь, – остановила Марселину Мальвази, чем нехотя заставила ее почувствовать себя еще более неуверенно.

– Скажи, ты знаешь, где может сейчас быть сеньор Амендралехо?

– Он обычно проводит время у себя в кабинете или в саду.

– Вот служба: в кабинете или в саду. Ну ничего, сейчас ему придется побыть в работе. Зови его сюда если он в кабинете, а если отдыхает в саду, пошли за ним кого-нибудь, сама не ходи.

Марселина не знала как и понимать сказанное, поспешила поскорее удалиться. Вскоре послышались приближающиеся шаги, но единственной, кто показался в дверях в последующее время была Марселина, вошедшая почти бесшумно. Куда пропали шаги, которые несомненно не принадлежали Марселине? Сразу бросилось в глаза и выяснилось, когда через несколько секунд снова зацокав подковками на каблуках вошел в своем изящном черном костюме сеньор Амендралехо, собственной персоной, сразу попав в центр всеобщего внимания, незатененного ничьей фигурой, для чего он собственно и притормозился на некоторое время, не доходя до дверей.

Молодецки галантно, со всей учтивостью далеко заводя назад от себя стрелой руку, он поклонился в отдельности каждой из находившихся в зале, не забыв при этом и Марселину, с которой пришел.

Мальвази вторично видевшая лицо Амендралехо волнительно замерла, разглядывая его в подробности и замечая слишком много дородности. То, что лицо его с чуждыми чертами и выражением взгляда устало выглядело вопросительно на нее, показалось Мальвази просто отвратительным, к тому же она уловила на себе взгляд Климентины и уязвленная этим, запаниковала. Ей сделалось неловко и обыкновенно стыдно, и перед ней, и перед собой самой, оттого что такая дурная мысль могла владеть ею. Стараясь выправить неловкость, Мальвази нашла выход чувствам в раздражении.

– Амендралехо, вы взяли с собой письменный прибор? Я не вижу.

– Позабыл.

– А вам бы следовало помнить о своих обязанностях. Ни за чем больше вы понадобиться и не могли. Вы подумали иначе?.. Одна нога здесь – другая там, бегом!

Ударенный, ошеломленный вторично Амендралехо, с поблекшим видом сглотнув унижение, переводя дух, с небольшим поклоном, исчез за дверьми. Мальвази после этого бурного порыва чувств не успокоилась, она дала волю негодованию, придумывая что, а главное как с ним разделаться. Когда Амендралехо вернулся со шкатулкой в руках, козни были хорошо обдуманы, и ему оставалось только на них наткнуться как птенчику на вертел.

– Садитесь, пишите.

И Мальвази начала диктовать письмо герцогине Неброди, незаметно все ускоряла темп диктовки, как будто делая паузы, чтобы подождать и подумать и как будто не видя, что писец сидит с подавленным видом, уткнув дрожащее перо в лист бумаги.

Кончив диктовать и выждав необходимое время, она спросила:

– Написали?

– Да.

Предательское удивление выразилось на лице княгини вишневым румянцем. Не в силах сдерживаться, она протянула руку за прочтением, хотя тут же нашла как поправиться.

– Честно говоря – не ожидала. Я уже думала, что не удержалась: пропала моя диктовка, а вы успели... Это что за каракули? – отбросила она от себя почерканный лист в негодовании.

– Скоропись, – мягко ответил Амендралехо, – применяется как раз в таких случаях. Разрешите, я перепишу письмо набело.

– Каллиграфикой, – нехотя огрызнулась сеньора Мальвази, отводя лицо в другую сторону.

Против каллиграфического почерка тоже нельзя было ничего сказать: дочитав последние строки поданного листка вслух (в них говорилось об обещанных новых стихах), она вернула листок Амендралехо, и стараясь быть как можно более обыкновенной, произнесла.

– Теперь напишите стихи.

– Ва-а-у! – отреагировал тот уставившись.

– Что вы себе позволяете?! – с обоснованной грозностью произнесла Мальвази, – Что вы уставились, пишите!.. Вам что-нибудь неясно?

– Любые стихи?

– Нет, только мадригалы или сонет. И не вздумайте переляпать чьи-нибудь стихи, это пошло. Герцогиня большая любительница свежих стихов и если вы вздумаете сплутовать, мне

это от нее сразу же станет известно. Тогда можете сразу же убираться восвояси, я подыщу себе другого поэта.

Сеньора Мальвази успокаивающе посмотрела на Марселину, очень премило подернувшуюся что-либо сказать в защиту Амендралехо, но вынужденная через силу успокоиться. Когда Мальвази перевела взгляд снова на Амендралехо, то тут уже не выдержала:

– Что вы на меня так смотрите? Я вас спрашиваю!

– Я вдохно... вляюсь..., – испуганно невнимательно прошептал он, почувствовав на середине последнего слова как засыпался.

– Что вы? – встала она в пущем гневе. – Что вы сказали, повторите?!

То, что вставшая тигрица не разорвала его на куски, Амендралехо можно было только удивляться, он не видел, что позади него Климентина сделала Мальвази очень выразительный знак, став подходить к нему сбоку, но он почувствовал это и сильно ужался головой в плечи, испуганно озираясь, словно бы его могли чем шарахнуть. Но ему всего лишь мягко прикрыли руками глаза.

Климентина еще раз указала на неприлично легкое для глаз мужчины постельное одеяние Мальвази, и та в мгновение устыдилась с ойканьем отступила и осела в шезлонг. Ее женский ужас крайне усилило и то обстоятельство, что материя пеньюара просвечивала, а в зале было светло. Лишь когда Марселина подала ей одеяло, почувствовав себя за ним, стыд в ней стал заменяться бессильным негодованием.

Все было готово. Климентина отпустила его глаза, оказавшиеся закрытыми и некоторое время еще не открывшиеся. Затем наконец они резко открылись, как у человека неизвестно где очутившегося, и продолжая паясничать, он вспомнив, что ему нужно писать стихи, выкидом руки потянулся за пером. Затем он подумал, что устраивать клоунаду – опасный путь, замялся. Его взгляд встретился с холодным надменным взглядом сеньоры Мальвази.

– Подите вон.

– Писать стихи (там)?

Амендралехо встал и отступив на несколько шагов, откланялся. Почувствовав, что выпускает его что называется отделавшимся, она поспешила исправить ситуацию.

– Чтобы стихи были. Марселина, возьми у него ключ от библиотеки и закрой ее.

Скриворотившийся в сторону Амендралехо, не глядя, подал подошедшей Марселине связку ключей и вслед за ней вышел.

Когда Марселина вернулась, остававшиеся девушки уже как ни в чем не бывало разговаривали весело о своем. Климентина смешась говорила об Альбертике.

– ...Ох, такой шалапут, прямо я не знаю... Какой только от него ребенок будет, я боюсь.

– Правда!?! – воскликнула звучно Мальвази, хлопнув ладонью по колену.

Марселина тоже с улыбкой глядела на белокурую подругу, которая показалась ей сейчас такой особенной.

Климентина обратила внимание на вошедшую.

– Ну как он, пригорюнил?

– Чернее тучи. Я видела его из окна, и мне его стало очень жаль. Он шел по саду такой подавленный.

Мальвази протянула руку за ключами.

– Я была очень невыдержанна? – примирительно спросила она.

– Очень! почему ты так?

– Сама не знаю.

* * *

Во двор виллы с дороги въехала карета Метроне, в некотором роде поверенного в делах между Монтанья-Гранде и Сан-Вито, то и дело возникающих периодически с началом месяца, а иногда произвольно по необходимости, как возможно сейчас. Хотя Метроне мог приезжать на виллу по собственному желанию, когда ему вздумается, ведь за особые заслуги он был награжден большим количеством почетных должностей: церемонимейстера, коменданта, дворецкого и даже мажордома, от которых ему было премного приятно и лестно: как никак он был здесь по идее вторым по значимости человеком, после чичисбея... Естественно если не принимать во внимание господ, положение которых выше всяких мерок и по отношению к которым эти мерки строятся. Он бы вообще считал себя здесь самым главным, если бы не чувствовал, что за неприметной собой по себе должностью стоит лицо особо назначенное Монсеньером. А так как служил Метроне в основном Монсеньеру и его очень сильно побаивался, что даже внутри себя с ним считался.

К владелице виллы сеньор Метроне питал особые чувства дружбы и обожания, каким обожают сеньорин, у которых пользуются постоянным успехом в деле выполнения их несложных поручений и вообще когда она очень благосклонно к тебе относиться, как например и сейчас, когда она приветливо встречала стоя у окна на втором этаже.

Мальвази облокотившись на подоконник, глядела вниз на то, как раскланивается-пляшет перед ней сеньор церемониймейстер, который зачем бы мог приехать? Наконец сухопарая фигура успокоилась от своих триколе. Она устало указала ему подняться к ней, посожалев о том, что ушла Климентина, которая не захотела остаться на ужин.

Сеньор Метроне, войдя, привнес с собой в тихую вечернюю обстановку залы шум и оживление, исходящие от новых его поклонов и приветствий. Мальвази, встречая его, проходя навстречу, тоже сделала один легкий присяд с реверансом руки.

– Как хорошо, что вы пожаловали и вовремя, проходите, садитесь. Вы мне составите прекрасную компанию за ужином. Я чувствую, что у меня уже сейчас рассеивается скука.

– Боюсь, что вам по поводу ушедшей скуки придется еще посожалеть. У меня есть вам ого что рассказать!.. Приехал Виттили.

– Снова! Чем от него откупиться на сей раз? И почему он приехал, мы же договаривались, что он до следующего года больше здесь не появится? И только на рождественские праздники может приехать, – раздосадованным тоном неожиданно сильно обманутой, проговорила Мальвази, меняясь соответствующе в настроении.

– Произошло непредвиденное. Вернее не непредвиденное, а ужасное. Он вляпался в ужасную историю и его имя на виду у полиции.

Так как сказал он, последнее было много лучше, нежели сказать: ищет полиция, но Мальвази все равно недоверчиво протянула:

– Что он там натворил?

– Ох, и не спрашивайте, он мне рассказывал такие страхи: и убили они там кого-то, и деньги незаконно хотели получить, я даже его слушать не стал. Может вы попробуете его послушать сами, да мы решим, что с ним делать?

Жест Метроне красноречиво указал за окно.

– Так он здесь?! Тогда зовите его сюда! – оживившись проговорила Мальвази со скрытой радостью в голосе, отойдя к окну посмотреть, что вовсю выдавало в ней чувство удовлетворения от предстоящей встречи с молочным братцем.

Метроне оставалось только подать курьеру знак, а дальше все пошло как по наигранной сценке: кучер чинно пробил рукояткой плетки по крыше кареты три раза и через некоторое время из приоткрывшейся дверцы опасно высунулась наружу широкополая шляпа с головою в ней. Из-под шляпы четко поочередно потаращились во все стороны, заглянули даже под низ кареты, не найдя ничего опасного, только после этого прошмыгнули наружу.

Там твердо установившись на ногах и снова поозиравшись вокруг, сей тип смог еще дальше залезть под шляпу, а также еще глубже укутаться за обшлага плаща и только после этого невидимым поспешил к подъезду.

Мальвази хохотала звонким не сдерживающимся смехом, но до того, как Виттили появился в дверях успела перемениться на недовольно-укоризненную, расстроено глядящую в другую сторону. Виттили бухнулся что называется «в ножки», несмотря на значительное расстояние, которое их разделяло, купил так словно бы к этим ногам прижался. Мальвази не выдержала, рассмешилась тем же порывисто звонким смехом, что далее ему можно бы было зря не тратить, его ключевую фразу она слушала, сдавшись искусителю на милость:

– Спаси! Вопрос жизни и смерти!

Далее вообще пошло все как по маслу, заказали ужин, отправили посыльного скакать что есть духу за Климентиной и если она откажется, сказать по секрету кто приехал. Климентина примчалась так удивительно быстро, что ужин из-за нее ни насколько не задержался, но и некоторое время не мог начаться из-за сценки, устроенной Климентиной Виттили. Она руки в боки чуть не стонала и кричала ноющим голосом. А он ей всполохами выкидывая от себя руку в указе – гортанно-дразнительно выкрикивал: революция в Палермо! Невозможно там жить! Он второй или третий раз выкрикивал ей то же самое, уже только постоянно держа руку в сторону Палермо, как Климентина отошла и села за стол обреченно успокоившись. Виттили несмело подошел и косясь, сел рядом. Она, взорвавшись, взяла что попало со стола и сильно замахнулась ударить ему по голове, но реакция испуга у Виттили была прикрыться руками, а под ними он уже исчез под стол. Что там еще он может вытворял неизвестно, но продолжилось почти полюбовно, Виттили из под стола положил Климентине голову на колени и обнял ниже стана.

– Милая хорошенькая Климентина, давай заключим мир.

– Отцепись от меня, мозгляк, убери отсюда свои руки! – убрала она сзади себя его руки одну за другой.

– Милая хорошенькая Климентиночка, ты на меня постоянно сердита, потому что я не взял тебя в жены?

Удар запястьем руки звонко по уху не заставил себя ждать и был настолько силен и неожиданен, что Виттили отвалился навзничь настолько оглушенным, что даже не слышал как смеются расходящиеся по стульям. Хотя Виттрили очухался почти сразу от удара об пол, ему показалось что валялся он долго и выбираться стал не сразу, выбравшись только с противоположной стороны стола от места поражения. Струсившей Климентине и после этого успокоения не было: вид у Виттили был истинно перебитый и больной. Он бессмысленно уставился на тарелку с лежащим на ней желтым пластиком омлета. Обе девушки испугались, а Климентина панически проголосила:

– Мальвази не обращай ни в коем случае на этого психа внимания, не то он будет придуриваться до бесконечности, это же дурной, ему денег не давай, дай только попридуриваться.

– Альбертик, – клевнув носом слабо проговорил Виттили.

– Вот видишь чего он добивается, я уверена он задумал так днями дурачиться, только бы добраться к Альбертику, ему ничего не стоит! Даже не обращай на него внимания, пусть себе дуреет, – смирилась Климентина.

– Альбе-ертик.

Тяжело дыша, понервничав, Климентина отбросила вилку с куском ото рта на тарелку, не вынося больше этого издевательства. Назревал срыв хорошего вечера, Климентина хотела встать и уйти, а Метроне экстренно предпринял нужные меры.

– Виттили, расскажи что было в Палермо?

– Расскажу: Росперо и мы поймали главного казначея, он написал нам расписку. Десять тысяч. В первый день в связи с беспорядками казна была закрыта. Мы деньги получить не смогли. На второй день нам устроили засаду за казначея. Поймали всех в кучу. Тут наш Росперо им преспокойно показывает казначею перережут горло, если они нас не отпустят. Испанцы сказали, что отпустят, если мы отпустим казначея. И тут я вызвался пойти отпустить казначея, только чтобы за мной не шли и не следили. Испанцы согласились. Мне и Росперо и все кричали не верить испанцам, но я поверил и пошел, потом побежал. Меня поймали, побили, сказали, что им нужно скорее сменять казначея, я должен идти сказать об этом тем, кто удерживал казначея под охраной. Я пошел, потом опять побежал и добежал до района лачуг, где прятали казначея и быстро все им рассказал. Сразу же после этого началась облава. Наши люди разбежались так, что даже не успели вспомнить о казначее. Его забыли. Мне тоже удалось бежать, мы с каким-то пареньком пролезли под ограду. Я убежал из города в горы к Мачете. Мачете готовил нападение на карету князя Сан-Кальтадо. Я тоже хотел напасть. Князя в карете не оказалось. Я не знал, что Мачете испанцев не трогает, и избил своего старого недруга Каски кнутом, до потери сознания, кажется выбил глаз. И я сбежал и с гор, чтобы у тебя сестрица найти спасение, слезно закуралесил он исподлобья с густой челкой давно нестриженных волос, уставившись на Мальвази.

Та его нежно приголубила, прижав к себе руками. То, что она услышала от него однако не способствовало продолжению нежностей, а наоборот Мальвази подумав хорошо обо всем том, что он рассказал, очень взволновалась и отняла от себя его голову, поглядеть ему в глаза.

– Ты в самом деле? Дурной? Зачем ты пошел вместе со всеми на эту грязную авантюру? Ты что думал они и тебе тоже бы денег дали? Какой ты глупый. Мало я тебе денег даю?..

Так понять рассказанное могла только женщина, Виттили даже несмотря на идиотское состояние чуть не стошнило, он поспешил что-нибудь сказать:

– Я ничего не слышу этим ухом, говори в другое.

– Ой, что делать, прямо ничего не знаю?

– Да все он врет от начала до конца, чтобы его пригрели здесь, – возмутилась Климентина. – Кому он там нужен!?

– Альбертик! – снова клевнул носом Виттили.

– Наверно все-таки нужно будет написать письмо в полицию. Ты как думаешь? – стараясь привести Виттили в серьезное состояние спросила Мальвази его, – Ну ладно, хватит баловаться...

Сидевшая в элегантной позе откинутой на спинку стула Климентина, поймав ненормальный взгляд Виттили заулыбалась и многочувственно протянула ему свою тарелку с омлетом.

* * *

Следующее утро началось для Мальвази очень неожиданно не с омовения теплой водой, приносимой Марселиной, а с нее самой без воды, но как оказалось с холодным душем.

– Вы не знаете, что? – со сквозящей рассерженностью, готовой вырваться разом спросила она.

– Нет, еще не знаю, а что? – взяла Мальвази напыщенно-насмешливый тон и подстать ему заняла удобное положение в полуприсяде, на подушках.

– Вчера вы срочно нуждались в стихах!

– Так.

– И зачем-то взяли ключи от библиотеки.

– Это затем, чтобы помнилось о том, что библиотекой не надо пользоваться!

– А на ночь он должен был воспользоваться жильем как все, или что не пришелся ко двору и можно с ним поступать небрежно?

Мальвази с испугом спохватилась и была больно задета сказанным, и подумала об этом с легкостью прошедшего.

– Так он недоволен, что не попал в свой кабинет, или что спать пришлось где попало?

– Ему не пришлось спать этой ночью!

– А что так?

– А то, что вы его оставили без ничего, одного на ночь, наедине с вашим безумным заданием!

Голос девушки звонкий и отчаянно смелый осекся, а гримаска на лице приняла испуганное выражение, и Мальвази простила бестактность не ответив резко:

– А что выходит, он поняв что его забыли не попытался найти себе ночлег?

– Конечно, он даже не стал! Я представляю каково в его состоянии было столкнуться с закрытой дверью!

– Ах да, он гордый. Из принципа не смог.

– Вам легко и смешно! Вот на какой шаг вы своим пренебрежением толкнули его!

Марселина резко протянула ей свернутый листок, с которым оказывается пришла и держала все это время. Мальвази вальяжно взяла сложенный листок и к скрытому неудовольствию той развернула бумагу полностью, заметив на обратной стороне еще что-то написано.

– Не это, – поспешила перевести ее внимание Марселина, но только способствовала худшему.

– Что это стихи? Он все-таки пытался, – продолжила насмешку княгиня, увидя, что куплеты перечеркнуты крест на крест, зачитала вслух:

По совести скажи, кого ты любишь
Ты знаешь, любят многие тебя
Но так беспечно молодость ты губишь
Что ясно всем – живешь ты не любя.

Твой лютый враг не зная сожаленья
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья
К тебе в наследство перешедший дом

Переменись и я прощу обиду
В душе любовь, а не корысть пригрей
Будь также нежна как прекрасна с виду
И стань еще прекрасней и милей.

– Это кажется Лопе де Вега. Правильно, это его раскаты. А это что? А это уже проза.

Она углубилась в прочтение содержания записки:

Сеньора!

Я не терплю когда надо мной насмеваются, и более того издеваются. Этой ночью я в полной мере на себе почувствовал отношение ко мне здесь. С вашим приездом ваш дом стал мне чужим и даже враждебным. Ставлю вам в известность, что мне нужно забрать свои вещи, оставшиеся в кабинете.

Амендралехо

Мальвази не ожидала, что дело могло принять такой оборот. Нужно было немедленно что-то решать, от нее ждали выразительно глядя сверху вниз. Она сразу же нашла что сделать, может быть, подав это в не лучшей форме, только усложнившей ее положение потом при дальнейшем размышлении.

– Милочка, что вы так убиваетесь за него? Не стоит! Зовите его сюда, я покажу, что вы его не правильно понимаете. Да он у меня сейчас все свои принципы растеряет, стоит мне только пожелать.

– Вы!.. Такая ненависть к человеку, который ничто вам плохого не сделал. О-о, я наверно тоже долго не смогу...

Уходила Марселина крайне взволнованной и растревоженной, чуть не с плачем проговаривая последние слова, обращенные вовне, что в эмоциональном плане очень подействовало на сердце другой молодой девушки, к тому же находившейся в безмятежном состоянии духа после сна. Обвинения сразу двух людей, легшие на ее чистую юную душу, показались тяжкими и слишком напрасными, что произвели совершенно иной эффект, чем можно было бы ожидать; она обиделась. Но уходить в свои чувства было не время, не для того она выгадала паузу,

чтобы не подготовиться. Она быстренько встала с диванчика, направившись к зеркалу. Взяв гребень, Мальвази убрав свой шикарный густой волос назад, стала медленно спокойно расчесывать еле заметные пряди. Мысли пришли сами собой. Марселина сердита на нее, боится, что Амендралехо уйдет, она любит его. Значит, его как-то нужно задержать. Как это сделать? Как нужно так сказать, чтобы на случай если он твердо решил уйти, не пришлось его упрашивать? – она не знала. Она лишь понимала, что нужно начать со стихов, ... но началось все совсем с другого. Он вошел в дверь с хмурым взглядом и заметив ее лицо в зеркале, но стоящей к нему спиной, то есть всю, привлеченный ее видением, поднял заметно просветлевший взор. Мальвази замерла под ним, хотя затем скорее инерциально продолжила водить гребнем по волосам, безотрывно глядя на взгляд в зеркале. Незаметно в ней сначала в голове, затем во всем теле загорелось тлетворной теплотой разлившееся до самых босых ступней, переставших чувствовать холодный еаменный пол. Она уже бессознательно обернулась назад, чтобы видеть волнующее как есть.

Мальвази была одно слово из многих: обворожительна, она была великолепна как девушка соблазнительной наружности, восхитительным личиком, взглядом. Ее естество или то, что называют личностью, особой, может и то, что она взаимно ответила, тоже подалась навстречу, заставило содрогнуться Амендралехо так, что он готов был и опуститься на колени, и найти на нее, и просто что-либо сделать, только дать волю движению к ней.

Первой перестала, прекратила Мальвази, томно закрыв глаза и отведя взгляд. Она испугалась, что Марселина могла видеть что было, хотя Марселины почему-то не было? Она поспешила к столу, все еще также поглядывая в глаза Амендралехо.

Первой мыслью его был испуг за письмо. Глаза его взмолились не принимать во внимание, он замотал головой. Не уезжать ему хотелось, да ему и не хотелось, а только остаться. Эти шагающие ножки, на них так хотелось припасть лицом и губами облобызать от низа до самого верха. Губы ощущали горячую теплоту ее тела. Конечно бы он ничего резкого сделать сейчас не мог, но он чувствовал что может с ней.

Мальвази взяв листок, указала ему садиться. Говорить она не стала, когда почувствовала как налились, отяготели щеки, только после произнесла.

– Хорошие стихи, это вы их написали?

– Тебе, – дрогнувшим голосом ответил ей он, и еще хотел сказать что-нибудь интимное, шепотом наговорить много этого, чтобы преодолеть завесу возникающих посторонних интересов, уводящих от той взаимности, но сзади слышались шаги входившей Марселины со звяканьем ключей.

– Сеньор Амендралехо, – проговорила Мальвази чистым приятным голосом и положила свою холодную босую ножку на его, заставив содрогнуться. – Хоть вы и ужасно сердитесь на меня, все равно пожалуйста, давайте на вы. Будьте любезны правильно ответить на мой вопрос еще раз. Эти хорошие стихи, вы их мне написали?

– Вам, кому же еще?

– А еще их сеньор Амендралехо писал Лопе де Вега. Так как прикажите вас понимать?

Она убрала свою ножку к себе и хоть с трудом, но стала им понимаема. Он спохватился, поняв в какую трясиину попал, но нашел удачный ход, перейдя в нападение.

– Вы ошибаетесь, это не Лопе де Вега, этот сонет принадлежит перу другого автора.

Несколько изумленная Мальвази все же удержалась от того, чтобы не заспорить хотя слово сонет чуть не толкнуло ее на это. Не нужно было упускать инициативы, а говорить по существу.

– Если так, то почему же вы говорили, что это вы написали мне эти стихи?

– Видите ли, дорогая сеньора, ваш вопрос очень личного плана несколько меня взволновал. К тому же идя на встречу с вами я пребывал во взволнованном состоянии и может быть поэтому не уточнил что написал – переписал, потому что мне оставалось только коротко отвечать на ваши вопросы. И еще подумайте как бы неуместно звучало мое уточнение: нет это не я – это Лопе де Вега написал. Поучилось бы как будто... В общем эти стихи не он вам, а я вам написал, и точка!

– Сеньор Амендралехо, вы большой мастер выкручиваться...

– Вы бы даже посоветовали мне, если я стану сиятельным вельможей взять в свой герб угря?

– В ситке.

– О, вы должны знать, что это такое, у вас разводят угрей, не могли вы бы мне показать...

– Могу прямо здесь. Сколько бы ты не выскальзывал как угорь, все равно настанет момент попасться и бесполезно извиваться вокруг руки.

– Берегитесь, лоя не попадитесь сами с теми же последствиями.

– Это что такое? Как вы смеете? Это вы мне?

– Это эзопов язык, на который мы перешли. Это как-будто и не вам – заговорил он ее, хотя это было и не трудно, Мальвази только и ждала когда он кончит, чтобы начать свое:

– Сеньор Амендралехо, я вам строго-настрого говорила чтобы вы мне не переляпывали чужое, почему вы это делали, да еще после этого говорили, что написали мне, не уточнив что переписали?

– Сеньора, когда я получил ваше задание, сразу я отчаялся, а потом вдруг после долгих мучений мне стали приходить на ум какие-то рифмы, сначала вразброс, но потом я их легко складывал в строки и куплеты. Сложив и написав, я подумал, что это не мои стихи, но они так сильно подходили к вам, я лишь только перечеркнул их.

– Угорь! – с премилым девичьим презрением бросила она ему. – Ни одному слову не верю. Я могла бы поверить, если бы не одно обстоятельство, то с чего вы начали – с вранья, ради маленькой пользы, откровенная ложь, вы потом проговорились, не заметив этого. Вы

знали и держали это в уме используя, как станет нужно. И так во всем остальном, и со всем остальным, но с одним-то вы проговорились:

– Я ошибся.

– Да вы ошиблись и перестаньте, не надо оправдываться, я все понимаю, что все это значит!

– Вы можете не слушать мои оправдания, могли бы не слушать, если бы насчет имени поэта не ошиблись в том же чем и я. Моя ошибка это и ваша ошибка.

– Я перестала понимать о чем вы говорите?

– Вы поймете, когда возьмете в руки источник, о котором мы спорим. Я вспомнил, что прочитал эти стихи в книге, которая лежала в этой зале на столе, когда вас еще не было.

Мальвази было ушедшая в себя в сознании своей неприступной правоты, вдруг оживилась и вспомнив, обратилась к Марселине, которая тихо стояла с ключами у дверей и давно уже ничего не понимала, о чем они говорят, хотя помнила, что весь сыр-бор разогрелся из-за сущего пустяка, но так не спросила: «Помнишь, он говорил», а попросила принести из соседней комнаты книгу с золотыми застежками.

Книга называлась Сонеты, а имя поэта Мальвази торжественно швырнула по столу прочитать Амендралехо. Тот, не глядя на книгу, но глядя на Мальвази вежливо пододвинул томик обратно ей.

– Прочитайте, пожалуйста, повнимательней.

Она, видевшая что он от большой уверенности даже не читал, с удовольствием повернулась к книге, чем темпераментней она ему докажет, тем полностней будет ее победа:

– Де ла Вега! – четко и твердо зачитал он, наклонившись лицом поближе к ее застеснявшемуся лицу, отведенному взглядом от его взгляда. Ей было стыдно и становилось с этим все более хуже по мере того, как она себя вспоминала. Мальвази поднялась уйти, но молниеносно подавшись вперед, Амендралехо ухватил ее за запястье руки и сдернул вниз, заставив одним рывком усесться на прежнее место, вовсе рядом с собой. Она отчего-то так испугалась столь неожиданной резкости, может от непривычности такого обращения, может от чувствования самой силы, что оробела и сникла, не могла ни хоть как-то постоять за себя, ни попытаться.

– Доразговаривалась?.. Так кто кому в руки попался? Ты я вижу девочка с норовом, необъезженным еще. Все что угодно себе позволяешь... Не со мной!

– Бедняцкая гордость, – вдруг набравшись смелости выпалила она снова, отвернувшись.

– Прикуси язычок и закрой свой... ротик, – чуть не добавил вот какого прилагательного, но Мальвази и без того до крайности расстроенная, разрыдалась и завывалась, в чем ей стала помогать Марселина, сразу полностью перешедшая на ее сторону.

– Это не бедняцкая гордость тебе виной, а богатая распущенность. Беги, оденься как следует, красавица, да приди сюда, объяснимся, – чуть не хлопнул он молодецки покровительственно по фигурным округлостям вдогонку, да Марселина помешала. Мальвази тем временем со слезами на глазах резвой ланью убежала в комнаты.

Амендралехо выслушал Марселину.

– Что ты натворил, она тебя выгонит за это!.. Не самодовольствуй, она тебя если захочет, к ноге быстро приставит, а потом отопнет. Извинись перед ней.

– Отопнет значит? Ну ничего, она однажды ловила и поймала.

Под улыбчивым взглядом Марселины он самоудовлетворенно расселся на стуле, раскинув руки. Ему было свое, не столько даже бахвальского, сколько он понимал наоборот, почему бедняжка так смущенно сидела. Ей ко всему прочему еще и была охота посидеть насильно рядом с чужой силой. Он мысленно брался устраивать ей такие насилия и воображением рисовал сценки, как неожиданно он почувствовал, что Мальвази, вырвавшись из его представлений одной, совсем другой подошла сзади в костюме для верховой езды с плеткой в руках.

Амендралехо сначала искоса взглянул на нее, затем как бы продолжая попытку взглянуть, повернулся всем телом к ней, все еще выгадывая то время, в которое она не могла еще возмутиться тем, что он можно сказать обнаглел до крайности и дождался, когда сидеть стало можно, когда она вызывающе резко опустила перед его носом скрученную концом вниз плетку, поднимая глаза кверху проговорив:

– Сеньор Амендралехо, я прошу меня извинить за то, что забыла вчера отдать вам ключи, а сегодня подозревала вас в лицемерии. Больше я постараюсь чтобы этого не повторилось.

– Я ваш покорный слуга, – только и пробормотал Амендралехо ей в ответ.

От той прежней девочки в легком розоватом пеньюаре не осталось и толики, и все затаенные мысли родившиеся после блестящей победы теперь как пустые кошельки остались в нем. Хотя может быть девушка представляется, они на это большие любительницы... , но девушка тем временем пока он это так думал, выдала еще такое, что не оставило в держателе никаких сомнений в обороноспособности ее. Оставив Амендралехо без внимания со своим вернопочиническим мямленьем, превратившем его в покорного слугу, Мальвази цокая обитыми каблуками на сапогах, отошла к Марселине.

– Поди, скажи повару, чтобы приготовил на обед угрей. Этому сеньору, что вон там сидит... не давать.

С этими словами она звучно прошагала к дверям на утреннюю верховую прогулку.

– Не бойся, она не опасная, – прошептали ему.

– Марселина, пошли угрей посмотрим! – вместо всего того, что он хотел бы ей сказать, предложил ей это и с пылом, не терпящим упирательств, подхватил и повел ее на пруд смотреть угрей.

* * *

Уже было то, что Мальвази за обеденным столом заметила что ест не змееподобных угрей и выразила свое удивление Марселине, а той пришлось перед ней умильно и уморительно оправдываться за себя и Амендралехо, рассказав как они долго провозились с угрями, кормили их, что им так стало их жаль... короче, они выпустили змеерыбок в большую воду. В конце у нее просилось прощение.

Мальвази замедлив темп еды лишь усмехнулась, подумав о своем: он выставил ее как хищницу.

– Сегодня оставьте его без мяса, пусть знает что говорит.

Амендралехо больно не мучился, он даже не заметил, потому что был весь во власти поэтической тяги. Ему хотелось непременно сочинить свое, и посему закусив ужином: заев чем-то сдобным и запив чем-то сладким, он устремился на открытый воздух, чувствуя, что там ему будет легче. За виллой на дорожках меж зеленого кустарного пространства ходил он, помогая этим своему творчеству. Его, если бы за ним наблюдали, можно было застать в самых различных местах, также и на песчаном берегу моря, где он в холодных набегающих волнах вдохновенья не нашел и ушел на облюбованное прежде место у амуров и психей в окружении нависавшей зелени. На удобной поверхности низенькой белой колонны греческого стиля он иногда пописывал, когда в голову приходило. Также много черкал, холодный ветерок, сдунул его бумаги. Только сейчас Амендралехо заметил как повечерело. Стало холодновато и невозможно работать, понял он это, когда поежился от холода. Вдобавок ему сделалось стыдно, что занимался поэзией он все время на виду с виллы, словно бы хотел ей показать какой он покорный слуга. Затем он успокоился и возможно надолго бы, пока не услышал далекий знакомый голос. То несомненно был голос Марселины, а ответивший ей голос был похож на юношеский.

Через некоторое время он заметил уже что Марселина в сопровождении Виттили идет по центральной дорожке, или вернее спускается к берегу моря. Поведение их было непринужденное и это-то как ни что другое заинтересовало.

Со свернутым трубочкой листком и грифелем в пальцах другой руки, он якобы прогуливаясь и при этом сочиняя, вышел с побочной дорожки на центральную. Марселина сразу заметила чью-то фигуру, при этом испугавшись.

Сойдясь, Марселина не смогла не обратить на Амендралехо внимания:

– Она опять заставила тебя сочинять стихи?

– Нет, нет и нет. Она лишь разбудила во мне беса сочинителя. Чувствуется ее работа. Я с самим собой попал в такое затруднение. Вот силюсь, не могу выбраться. Заело, не могу сочинить и пары порядочных куплетиков, отчего зол на себя, что даже поклялся поколотить самого себя шпагой, не вынимая ножен, если только не напишу. В самом деле, мне в детстве медведь на ухо наступил, как говорил мой дед.

– Ты что себе голову морочишь, выбрось это из головы. Она же тебе ничего не заказывала.

– Да нет, Марселина, – тяжело вздохнул он, отвернувшись горечно в свою сторону. – ты не поняла меня. У меня это сильно. Лучше бы она мне задала сочинить стихи, как бы сейчас хорошо было, ты не представляешь. Сейчас бы встретив тебя я услышал: пишешь для нее стихи? – Да, и это чертовски трудно войти в ее я. Кому? Что писать? Ничего не пойму. Меня она выгонит.

– Успокойся, куда она тебя не выгонит. Выкинь свой листок и прогуляйся.

– Да?! Я так и сделаю, с тобой! Может на ум мне будет приходиться лучше, чем на бумагу. Я тебя провожу, куда ты идешь?

– Так, нужно по одному делу.

– На ночь глядя? Ладно, тайна, тайна. Виттили малыш, иди спать, уже поздно.

– Марселина, идти? – озорно спросил он.

Она ничего не отвечая, уходила вниз, уже заволакиваемый тенью, а за ней следом направлялся Амендралехо. Оставленный без ответа Виттилли не долго сомневался в том, куда ему идти, конечно же туда, где его ждали друзья.

Амендралехо и Марселина продолжали молча идти и по берегу темно-синего моря, шумевшего накатывавшими волнами. Они шли по сухому вязкому песку, держась воды подальше, хотя Амендралехо вода была не страшна, он был в сапогах и когда на его удовольствие вода накатила очень сильно, он подхватил и приподнял ее собравшуюся бежать или даже прыгать.

Записки или что она несла бумажное, у нее в руке не было. Конечно же это была записка, чему еще быть, они шли влево к соседствующей с Монтанья-Гранде вилле, пребывавшей в состоянии богатой гостиницы. Ее так и звали корчма д'Эрба, а самого владельца корчмарем, за что ему за постой приходилось платить деньги и немалые, хотя и жить на вилле с видом на море словно в своей. Последнему постояльцу М., так понял, нужны были не столько морские виды, сколько вилы на Монтанья-Гранде. Сердце его ревностно кольнуло: на приезжего обращали внимание. Нужно было непременно узнать, что там написано в записке? Но как это сделать?... Лучше было даже не думать, любой способ либо грозил ошибкой и потерей авторитета, либо вообще мог ее обидеть. В таких случаях нужно просто успокоиться и ловить, если только что подвернется.

Они, перекинувшись парой слов, дошли до дорожки, ведущей на виллу, и в саму виллу. У дверей появился привратник, когда они подошли и позвонили в колокольчик.

– Мне нужно передать письмо сеньору, что сегодня прибыл из Палермо.

– Это не возбраняется, милая сеньорита. А вам что молодой человек нужно?

– Проводить сеньориту.

– Дальше провожать могу только я. Идемте сеньорита.

Амендралехо потерял языка, у которого бы мог выпросить хотя бы имя. Ему осталось остаться одному и ждать. По прошествии пяти минут заволноваться, а еще по прошествии двух очень томительных минут крайне заволноваться. Что случилось с Марселиной??? Амендралехо бросился к двери и застучал, предварительно посмотрев, может дверь открывается. Пришлось стучать и даже кричать.

После произведенного шума тишина показалась еще более зловещей, а ощущение было такое, что он услышит крик Марселины о помощи. Но через некоторое время за дверью послышались шаги и ворчащий голос привратника.

– Ну что вы беснуетесь? Ничего с вашей сеньоритой не случилось...

– Где ты столько времени была?! – налетел Амендралехо на нее, чуть только увидел. – Я так перепугался за тебя.

– Ничего, письмо... нужно было передать.

– Кому? Дай мне письмо, я ему передам и еще от себя добавлю... Сеньор, – обратился Амендралехо к привратнику. Кто у вас квартируется?

– Это тайна. А наше заведение всегда держало тайны такого рода.

– Кругом одни тайны, – недоуменно воздевая руки пошел Амендралехо вслед за Марселиной.

– Что ты волнуешься? Ничего собственно не произошло, я никого не нашла, а письмецо всего в несколько строчек неважное, можно выбросить.

– Не выбрасывай, дай мне!

– Ты ревнуешь к ней? – воскликнула Марселина, обернувшись.

– Нет, я просто не могу когда меня водят вокруг пальца. Почему, например, ты не оставила письмо у привратника, если это письмо простое?

– Потому что потому – все кончается на «у».

Все остальное расстояние по берегу и до ступенчатой дорожки они прошли под знаком письма. Одному хотелось непременно узнать что в том письме написано, другой хотелось дать ему почитать, но никто не мог ничего поделать. Наконец, остановившись на одной из длинных террасочных ступеней возле фонаря Амендралехо повернулся к Марселине, заставив ее остановиться и глядеть на него.

– Марселина, мы с тобой хорошие друзья, давай обнимемся крепко и может поцелуемся.

Не дожидаясь ответа под ее улыбкой он прищурился на фонарный свет. Камешек был под ногами. Он был поднят, метким броском разбил фонарное стекло, а сам кидавший окутал фигуру девушки руками, губами приложившись под ушко. Но не столько пухлую мягкость шеи и нежности нужны были ему. Марселина, понимая это, заложила нужную ему руку за голову.

Амендралехо вытащил осторожно из ее рукава клочок бумаги и, о беда! Света не было и невозможно было прочитать. Было уже настолько темно (стало после разбитого фонаря), что пытаться что-либо разобрать даже с его зрением не представлялось возможным. Что делать? За считанные секунды нужно было решить, ведь долго обнимать Марселину тоже было нельзя и он поступил может быть несколько легкомысленно, но единственно правильно: он оставил пока письмо у себя с тем, чтобы потом по прочтении вернуть.

Марселина пассивно участвовала в содеяваемом. Роль ее главным образом заключалась в том, что она не мешала происходящему вокруг нее и по нее. Когда нужно было она не задерживалась, отойдя вперед, и Амендралехо тем временем при свете следующего фонаря прочитал:

«Сеньор кавалер де Карак! Мы всегда знали Вас как человека высокого морального долга и, признаться, очень удивлены, видя Вас на тихой вилле сейчас, когда решаются судьбы королевства».

Княгиня де Монтанья-Гранде

Прочитав сие Амендралехо зафыркался и запершился так, что Марселина шаловливо громко и звонко засмеялась, однако не оборачиваясь. Такие милые девушки как она словно созданы для того, чтобы их обманывали всерьез или в шутку.

– Марселина постой! Ты что-то обронила.

Она, вовсе расхохотавшись, повернулась взять письмо, проделав это почти не глядя. Успокоившись, Марселина помахала на прощание ручкой.

– Иди спать, не шатайся по двору.

Значит, что-то должно произойти этой ночью? Амендралехо даже знал что и был близок к тому, чтобы последовать словам Марселины, но в нем разыграли эдакие гуляжно-донжуанские чувства.

Марселина прошла в корпус, поднявшись на второй этаж в залу, где ее ждала Мальвази.

– Как дела? Ты, конечно, отдала письмо по назначению?

– Сеньора де Карака не было дома. Ни слуг его, никого я не нашла, чтобы передать Ваше послание. Пришлось нести обратно.

– А еще что тебе пришлось?

– Целоваться!

– Зачем было бить фонари? Если сеньор Метроне узнает – взыщет с обоих, и правильно сделает.

– Ах, ты подглядывала!

– Я смотрела: не вздумала ли ты сдуру пойти отнести письмецо в лапы к этому Караку. Фу, какой фат, и пошляк, отвратительный мозгляк, не хочу даже вспоминать о нем, как цепится...

– Не обращай на него внимания, ты же не на балу, а у себя за семью стенами.

– Я не хочу ни от кого прятаться, нужно отваживать таких раз и навсегда! Скоро услышишь.

Вскоре она не только услышала, но даже и увидела, когда подбежала к окну. А дело было так, раздалось треньканье гитары и пьяный забулдыжный рев возопел непонять что. Вдруг он осекся, гитара его со звуками шлепнулась наземь. Можно было видеть, что за оградой пятеро били одного и тот барахтался у них под ногами.

Марселина заметила и шестого, похожего на Амендралехо по росту и по одежде. Он подходил осторожно сзади, словно стараясь вникнуть в происходящее, и потом, яростно сорвавшись с места, подбежал к двум ближайшим, стоящим почти без дела. Один, самый крупный в рясе получил удар шпаги плашмя по лысине на голове, а другой, в широкой шляпе – заработал сильнейший пинок по заднице, который прямо или косвенно заставил Альбертика отбежать. За ним попятились остальные. Не успели Виттили и Метроне присмотреться кто на них напал, как в пьяном гневе поднялся де Карак и, размахивая пустыми ножнами на цепочке от пояса, может быть не имея возможности оторвать с бранной руганью пошел, пошатываясь на обидчиков. Те кучей, не мешкая, смылись за деревья.

Злой как собака де Карак, не зная на ком бы сорвать свое зло, остановил взгляд на Амендралехо. В том, что спаситель де Карака вызовет в том к себе хорошее отношение не можно, а нужно было сомневаться, зная дрянную злыдную натуру такого человека, как этот сеньор. Амендралехо не мог вызвать в нем ничего доброго уже от того, что видел его в униженном положении. Хорошо было уже и то, что де Карак отвлекся на зализывание побоев. Затем, заметив помятую гитару, нашел-таки на чем сорваться, растоптав инструмент всмятку. После этого наступил момент успокоения и протрезвления от хмеля.

– Тащи меня на виллу, открывай ворота, я иду! – снова захмелев отвратно залебезил де Карак, стоя на щепках и с шатанием держась за прут решетки. А далее вообще...

– Ну ты, мурло, сбегай за моим лакеем – он лучше тебя справится. Ну что ты стоишь! Ты что не знаешь, с каким человеком разговариваешь! Да я винкулето! Ты – понял..? Это..? – так многозначительно молвил он, что будто бы и сам испугался того кто он есть.

Очень захотелось предположить не вид ли это высокогорного винторогого козла? Амендралехо стало и не по себе, и смешно. А все вместе уравнивалось до оторопелого вида. Действительно, нужно было идти спать, а не влезать куда не надо, в подарок заимев эдакое мурло перед собой. И за окнами, и из-за дерева им были явно недовольны.

– Ладно, бейте его, да еще покрепче, – указал он рукой резкий небрежный знак компании из пяти человек, и уже когда он отошел достаточно далеко, оглянувшись, увидел, что де Карака за руки – за ноги уносят долой.

* * *

Разогнавшись по ровному месту, перед самой оградой хлестнув своего буланого коня по кругу, Амендралехо с силой натянул вожжи на себя, точно уловив тот миг, когда это нужно было сделать. Конское тело под ним и вместе с ним стрелой взмыло вверх над шпильями металлической ограды, оставляя их много ниже под собой. Нижние ноги коснулись земли, и почти тотчас завершили лет и задние ноги, твердо опустившись наземь. Но еще некоторое время по инерции они ни за что не могли остановиться, как не пытался наездник это сделать, стараясь услышать что слух его уловил несколько мгновений раньше. Он не ошибся, ему хлопали – сеньора Мальвази де Монтанья-Гранде, видевшая взятие препятствия. Она была в нескрываемом восторге от увиденного и видимого. Высокая железная ограда со взметенными ввысь остроконечными прутами на фундаменте казалась ей если не границей мира: по ту и по эту сторону, то, во всяком случае, чем-то непреодолимым, над чем перескакивать на коне!... Она бы никогда не подумала!... Что такое вообще возможно!

Мальвази продолжала несколько не смущаясь восторженно глядеть на Амендралехо и то как он, гарцуя на коне, не сводя с нее глаз, подъезжал к ней все ближе и ближе.

В этой стороне виллы, удаленной от прифасадного двора, и несколько прикрытой от него крылом корпуса, было сейчас после обеда безлюдно и можно было особо не опасаться за любопытство чужих глаз. Хотя вернее даже не это, а обыкновенное отсутствие посторонних привело княжну к раскрепощенности и даже, как мы увидим, – к крайней.

– Какой сильный и славный конь, – проговорила она, не сводя глаз с наездника, – все бы отдала, чтобы побыть на таком.

– Я Вас понимаю как наездницу, но ничем помочь не могу, мой, – хлопнул он своего коня, – любых не берет. Его прежде обласкать, убажить, а потом усаживаться.

– Не беспокойся, я прекрасно обучена объезжать любых ретивцев без всяких ласок и убажек!

– Никогда. Он Вас просто опозорит. Он женщин понимает – что это такое.

– Да ну!... Что-о?? Ах, ты!... И она, наполовину выговорив бранное слово, в ее исполнении и в данной ситуации прозвучавшее просто восхитительно, просто трогательно, и далее, вдруг так эмоционально вспыхнула и продолжила беззвучно выговаривать то, что ему можно было только догадываться по тем убийственным красноречивым гримаскам, которые она ему презрительно строила при этом.

Амендралехо уже не в состоянии продолжать смеяться не слезил к ней, а падал, не удержавшись на земле на ослабленных ногах. Но, влекомый к ней, неуверенно поднялся и пошел навстречу, ведя за узду коня.

Его обезумевший вид, в который она его привела, Мальвази льстил, и к тому же она была больше во власти игры, чем реальных чувств, которые выказывала, но и это-то как раз мешало простить ей внешне, то есть она чувствовала, что когда он подойдет – она должна ему обязательно ответить на пошлость увольнением, не иначе. И тут уже, когда она приготовилась

говорить, ему осталось сделать перед ней последний шаг, конская голова, длинная и ужасная высунулась из-за плеча Амендралехо и с ржанием, оглушившим ее лизнула в подол, а потом и ткнулась. Взбудораженная Мальвази как ужаленная отскочила в сторону за Амендралехо, а вернее, чуть ли не на него самого. Конская голова с блеющим ржанием и вытянутым языком медленно поворачивалась в ее сторону.

– Уберите это чудовище отсюда!

– Еще минуту назад Вы им почти непристойно любовались. Да и сеньора, где же Ваши навыки в умении объезжать, которыми Вы еще меньше минуты назад хвастали? Надеюсь, Вы хоть мне поверите, что с такими конями иметь дело – опасно для чести.

– Сейчас же замолчите! Это Вы, развратник, научили его этим охальным штучкам. У меня он будет смиренным и покладистым. Отдайте его мне, я его у Вас покупаю.

– Увы, дорогая сеньора, я этого сделать не могу.

– Десять тысяч.

– Даже подарить. Это не просто конь, а друг. Он от смерти меня спас в лихом бою. Я друзей не продаю.

– Ах, вы друзья! Два сапога – пара! Я думаю, что Вы неспроста водите дружбу с эдакими чудовищами. Еще неизвестно что за вашим человеческим обликом сеньора Амендралехо скрывается. Не скрывается ли такой же конь?

– Ой-ей-ей. Как зловеще. А ведь все так естественно, только прелестнотелые всеми мерами, всеми усилиями стараются застеснять эти чувства. Эта ставимая преграда, правда, чудесным образом исчезает, когда на нее наваливаешься и валишь. Вот тогда животные чувства принимаются, когда от них некуда деваться. А я не хочу стесняться чужого стыда. Мои плотские чувства к тебе – это мое превосходство перед твоей женской особой.

– И что у коня, и у тебя – одни и те же животные чувства? – с игривой интонацией в голосе произнесла она, улыбаясь.

– Да!

– Могу я их посмотреть, но только в конском варианте?

– Насильно заставлю!

И Амендралехо, ухватив ее за руку, тонкую и слабую повел почти бегом к близкому отсюда песочному вольеру, видимому из-за конюшен, и обращенному на море. Мальвази, вынужденная бежать, задирая одной рукой подол, другой старалась вырваться. Ни слова, ни угрозы ей в этом не помогали. Она взяла и укусила руку Амендралехо. Тот с ужасом, отняв больную руку с шипящими звуками боли, взглянул на уставившуюся на него Мальвази. Что в ней сейчас происходило, он не догадывался и потому был естественен, потирая укушенное место руки.

– Я знаю, когда кошку держишь долго за лапку и тоже насильно, она, в конце концов, начинает кусать... Ты не бешеная случаем? – спросил он ее совершенно серьезно, мимолетно глянув, вырвав невоздержанный короткий смех.

Меж тем Амендралехо заставил коня перепрыгнуть через жердь и что потом им устроил, подавая разные команды, на это было смотреть совестно. Она не знала что ей и делать, и смотрела косо на вытворяемые финты и по сторонам, не видит ли кто этого срама? Амендралехо заставил коня перепрыгнуть через жердь и проделать двойной трюк прямо перед ней: усесться наземь с вытянутым языком и блеющим насмешливым ржанием. Она на это так взглянула, игранув глазами, что Амендралехо поцеловал ее на расстоянии, что, впрочем, она может не видела. Но повела себя затем так, словно бы он ее поцеловал по-настоящему. Она хмыкнула (когда конь вовсе улегся наземь, глядя и высовывая язык на нее) и, подскочив к Амендралехо, вырвала у него из рук плетку. Ох и досталось же безобразнику коню от осерчавшей девушки, Амендралехо только посмеивался, как вдруг, ни с того ни с сего, не глядя с разворота Мальвази сильно стеганула его по спине. Удар был хлесток, ошеломляющ! Он невыдержанно завшикал, потирая за спиной.

Это давно уже были половые домогательства, а он это понял только сейчас и, видя каким рассерженным взглядом смотрит на него она, подумал, что зашел слишком далеко! Нужно было как можно скорее кончать, иначе наступала гроза, в которой ему не суждено было поздоровиться!

– Драгоценнейшая сеньора! Это ужасно что Вы сейчас сделали!

– Этого Вы заслужили с вашими конскими выходками!

– Ну, это уже слишком! Я заметил, Вы все последнее время намеренно путаете меня с конем. Отчего бы это у Вас?

– Отчего? – хлестнув, спросила она его, ожидая очередной колкости.

– А все оттого, что у Вас сумасбродный ум! То, я у Вас угорь, то конь. Нет ничего более между собой разного!

– А вот Вам и за угри, которые вы выпустили нарочно. – снова хлестнула она его. Перетерпев небольшую боль, главное для вида Амендралехо подумал: что бы сделать, чтобы это бичевание прекратилось? Он поглядел на коня, который, видя что его хозяина бьют, перепрыгнул через жердь в загон.

– А трусоват Ваш дружок. – насмешливо заметила бывшая.

– Не в пример меня. Вот что, я предлагаю проверить Вашу смелость не на плетке, а на седле. Помнится мне вы порывались объездить этого скакуна. Тем более что вы имеете небольшие успехи. Фарлэп Вас уже боится.

– Его звать Фарлэп? Фарлэп – это слово из какого-нибудь языка, кажется из французского?

– И что оно значит? – быстро спросил он.

– ... Молния.

– О да! Да, да! У него и имя самое подходящее, какое только может быть. Это не скакун, а молния, седло – самолет. Извольте только усесться и вы испытаете такое, чего Вы еще никогда не испытывали! Не бойтесь – подбодрил Амендралехо ее все тем же заинтересованно-насмешливым тоном, за которым чувствовалась какая-то дурнота, но против чего невозможно было ни возразить, ни сделать. Перепрыгнув по подзывной команде через жердь в который раз, Фарлэп был насилу подведен прямо к княжне для посадки. Она, опасливо озираясь, вынуждена была ступить ногой в стремя и запрыгнуть в седло несмело.

До чего же быстро могла она преображаться, меняться почти в обратную сторону. Амендралехо несколько раз видевший это мог только удивляться. И ему осталось лишь молча снести то, что ему досталось от нового ее выкрутаса. Якобы хлестнув коня, чтобы стронуть с места, она хлестком задела и стоявшего ниже ее Амендралехо. И это того так стронуло, что в нем не осталось ни тени сомнения: делать или не делать. И еще к этому нужно добавить что, несмотря на то, что конь был понукнут, он не стронулся с места, так как воспринял хлесток как очередное надругательство над собой, вместо ласок и сладостей как бывало за исполнения раньше. Обоим стегнутые, обоим обиженные Фарлэп и Амендралехо между собой быстро сговорились, так как понимали друг друга с полужеста, с полужнака. Стоило одному быстренько почесать полусогнутыми пальцами по шерсти и указать на воду, простирившегося неподалеку моря, как другой, все отлично поняв после дружеского понукнутия, понес наездницу к синей глади. Амендралехо только после того как отправил – заметил куда отправил и очень сильно испугался: не сбросит ли он ее на камни еле заметного над водой бассейна, построенного прямо в воде. Мгновения переживаний были тяжелы и если он не закричал остановиться, то только из-за того, что его дух и волю сковало опасение. Но Фарлэп со своим заданием справился просто элегантно. Быстро донеся сидевшую не куда-нибудь, а прямо к бассейну, не дав ей спрыгнуть, он заскочил прямо в глубокую нутрь, полную голубой воды. Но и там, не удовлетворившись тем, что до груди намочил Мальвази, не дав ей слезть самой, подкинул ее от себя. Она, совершив небольшой кувырок на спину, упала в холодную воду. Встав на ноги, она увидела, как жеребец в легком прыжке выскочил из воды, и как под струями стекавшей воды совершенно преобразился его вид.

Выучке Фарлэпа можно было только удивляться, он делал и лучше, и больше, и наделал: холодное время года, а он ее с головой искупал. Отправляя Амендралехо думал, что Фарлэп просто провезет ее в каскаде брызг, извергаемых из под своих ног, как это делал с ним, стоило его только поскрести.

Княжна Мальвази, промокшая и продрогшая, шла по песку у самой кромки воды в сторону корпуса. Ну и вид у нее был, конечно, что называется подмокший. Платье из легкой материи, смотревшееся пышно сухим, сейчас же комично облепляло ее тело. Не в силах было сдерживать смешок, смотря на то, как она, не глядя в его сторону, устыжено уходит прочь. Вместе с этим ему захотелось дать ей определение какое она вызывала... И его как озарило – мокрая кошка, до чего же смешное видение, и его она собой представляла! И все же эта кошечка могла потом коготочки свои выпустить, сказав своим сбирам..., которые может быть у нее и были. Что она предпримет в отместку?

Амендралехо даже почувствовал себя бессильно и жалко перед ней.

* * *

– Ты что как цуцик промокший!? – удивленно закричала Марселина, когда увидела Мальвази какой она вошла. Бледная, или даже синяя от холода, мокрая и злая. Услышанное от Марселины вконец вывело ее из себя.

– Ну все, с ним нужно кончать, – стучая зубами со сжатыми кулачками выговорила она.

– Это он тебя в воду плюхнул?! Как ты могла такое допустить, уже же так прохладно, а вода такая холодная. Ты же заболеешь. Иди скорей прими ванну.

– Марселина, ты знаешь где то письмо, которое я писала герцогине Неброди? – озабоченно спросила Мальвази, идя вслед за служанкой.

Очень скоро, на удивление Марселины, приехала Климентина, которая как будто уже знала что произошло, но все равно приезд которой напоминал прилет любопытной сороки, коя ни что не оставляет без внимания и все хочет знать! Они очень быстро сговорились между собой, порешив поступить так-то и так-то, и еще Мальвази прихорашивалась, как ее Марселину отправили за Амендралехо. Марселина никак не могла вмешаться в разговор и попытаться хоть сколько-нибудь заступиться за виновника, хоть ей очень это хотелось; но она не могла, потому что боялась, слишком сильным казалось ей то, что произошло и она не находила в себе силы воли возражать против этого. К тому же она была очень занята по приведению синьорины в порядок. Марселина единственное, что могла сделать – это, уходя незаметно приостановиться, подслушав крайне важное, как ей показалось. И она пошла, подумывая как выполнить некоторые свои намерения.

Амендралехо она нашла там же, где он и был – на конюшне. Только теперь уж он ей показался испуганным, подавленно чистящим своего коня щеткой. Он даже не обратил на нее внимание, и она понимала почему.

– Что ты наделал?

– А я!? Я почистил коня, после того как наша сеньора изволила на нем искупаться. И я еще могу сказать: не такая уж она недотрога как представлялась. Так уж она ко всем равнодушна?

– Она ненавидит любого кто пытается домогаться ее чрезмерно. – проговорила Марселина, глядя ему в глаза.

– Это еще неизвестно.

– Это еще мы посмотрим – хотел ты сказать? Тщетно. Твое равнодушие уже замечено и тебя собираются не просто наказать, а заменить Пакетти.

– Ах, ах, наказания, не выгоны, а замены. Да я сломаю ее, стоит мне только захотеть, можешь ей так и передать, и не такие были. А к ней я ничего не чувствую, ты мне во сто раз милей и дороже.

– И ты мне... Я больше всего не хочу, чтобы она тебя выгнала. Попроси у нее прощения, останься. Куда ты отсюда пойдешь?

Марселина хотела уговорить Амендралехо идти извиниться, так чтобы он пошел не зная что его звали и придя не выжидал зачем его позвали, а пришел с сознанием того, что он пришел просить прощения и первым начал. Но ничего-то у нее не получилось, это могло бы получиться, разве что между женщинами, но не с мужчиной, и тем более гордым. И ей пришлось сказать что его зовут, напутствовав словами к снисканию прощения. Сама же Марселина направилась в другую сторону и, держась садовой дорожкой берега моря, прошла в ту часть чудесных владений виллы, где сад, становясь преимущественно кустарным, просеченный террасочной дорожкой, плавно спускался от задней стороны корпуса к морю. Здесь она думала найти Пакетти.

С тех пор как Пакетти – крепкий, славный малый был удручен своей неудачной страстью к красавице Марселине, ветреной в отношении к нему, он насупился и приналег на свою садовничью работу и его наверняка можно было найти за работой. Но Марселина заметила его не в зелени, а возле берега у площадки бутафорских белогипсовых развалин под вид древнегреческих, хотя и там он сидел, занимался какой-то работой с садовым инструментом. Рядом же была яма с растительными отбросами. Он сидел с дремучей тоской и как увидел ее, Марселина заметила, сразу изменился, засмутился и оробел. Она это поняла, как то, что его чувства к ней не совсем еще прошли и захотела забить их еще более тем невидящим непонимающим видом, каким всегда расслабляющее воздействовала. Знала бы она что нужно-то ей было всего что недовольно топнуть ножкой и с бесслезным хныканьем потребовать перестать думать об этом, что ей сейчас не до этого... как он бы тут же успокоился, потому что терзания его были и есть только самолюбивого плана с возможным уклоном на ревность к некоему другому. Но Марселина совсем не хотела о нем думать и разбираться в нем. Она лишь поступала с ним как посчитала правильным однажды.

– Сеньор Пакетти, можете ли Вы оказать мне большую услугу?

– Всегда готов.

– Можете ли вы запрятаться так, чтобы Вас не могли найти ни сегодня, ни завтра. И Вы если услышите, что Вас кличут, не отзывались бы на зов посыльных?

– Мне это нетрудно. Погода на море стоит хорошая. Я сяду в свою лодочку и отплыну подальше от берега, так что меня не станет видно. А на ночь вернусь и спрячусь в стоге сена. Там у меня укромное место. Следующий день я проведу весь в море: с самого утра и до позднего вечера. Вот только мне нужно позаботиться о еде.

– Я вам принесу и спрячу в стогу, – успокоила она Пакетти. – Вот только как бы с Вами в море не случилось что-нибудь. Вы можете заблудиться на обратной дороге к берегу.

– О нет, я буду сравнительно недалеко от него, а мою лодочку не будет видно, она цвета морской волны. Вечером же мне маяком будет служить свет в окнах, и я буду по нему возвращаться. Ну, так что, только сегодня и завтра?

– Да, и еще, если Вам будет это не трудно, послезавтра не попадайтесь особенно на глаза.

– Я найду заросший уголок для работы. Значит я прямо сейчас исполняю вашу просьбу?

...

Марселина проводила его взглядом, затратив времени столько, сколько смогла выдержать для приличия, а после, торопясь пошла по дорожке в корпус, ведь она хотела еще успеть попасть на разговор Мальвази и Климентины с Амендралехо.

Марселина очень торопилась успеть пораньше попасть на разговор и потому, когда она вошла в залу, почувствовала, что запыхалась и попыталась унять себя, чтобы за ней этого не заметили, еще больше разбередила в себе эту немочь. Но ей можно было не волноваться, никто о ней ничего не мог подумать из тех, кто мог, обе девушки во фронт давили на слабо отвечавшего им Амендралехо. Правда, понять о чем именно они говорили было трудно, не зная начала разговора, что-то о нравственности. Значит, грозу он сумел отвести от себя и сейчас принимал капельки дождя, который неожиданно, но мог разразиться в ливень, и потому ему приходилось внимательно выслушивать каждую, потупляясь робким взором.

Неожиданно разговор в том же тоне перешел на конкретные вещи. Стала говорить сеньора Мальвази:

– И, сеньор Амендралехо, это еще не все.

Она сделала томительную паузу за тем, чтобы отыскать взглядом то, на чем хотела остановить внимание. Взяв со стола цепочку серебряного цвета, она подала ее Амендралехо.

– Это было бриллиантовой брошкой. Благодаря Вам крепежка сорвалась, и все бусинки упали в воду. Соберите их все до одной и отдайте моему ювелиру на починку. И, сеньор Амендралехо, из-за вас это случилось, никто другой в этом не виноват, кроме Вас и никто другой, вместо Вас не должен искать эти бусинки. Я так хочу. У Вас вопросы будут?

– Дорогая сеньора, возможно, мои поиски завершатся неудачей. Может быть лучше будет, если Вы сообразите принять от меня в подарок новую бриллиантовую брошку, а старую забыть?

Получилось так, как будто он сказал: о старом забыть.

– Нет, я не хочу от вас принимать такие подарки, я хочу ходить в своих украшениях.

– Но что, если я их не смогу найти?

– Как Вы это умудритесь, когда они там, на дне бассейна...

Однако, предложение сие произвело небольшое впечатление на обеих девушек.

Значит, она его не пошлет с письмом, подумала Марселина, и также как незаметно появилась, также незаметно исчезла за дверьми – скорее успеть остановить Пакетти, потому что его потом два дня невозможно найти будет. И еще третий день будет прятаться.

Амендралехо, учтиво откланявшись, ушел минутой позднее, про себя усмехаясь всем тем глупостям, которые развела эта идиотка сеньора.

Не собираясь следовать ее наказам и чувствуя во всем этом большой подвох, он, проходя мимо столовой залы, возле дверей которой час назад встретился с сеньорой Мальвази, зашел за дверь вовнутрь. Выбор пал на малыша Детто, который ходил в пажих у Мальвази и слыл большим проказником. Малыш Детто сидел в столовой в полном и тихом сопящем одиночестве перед подносом торта, который планомерно по кускам поедал. Он сидел еще при сеньоре Мальвази и к данному моменту торт ему порядком опротивел.

– Ну и что напихиваешься сидишь? Пузо лопнет. Пойдем со мной – аппетит нагонишь.

– У-у. Я не хочу уходить от торта. Ты прикарманишь его себе.

– Идем, я тебе говорю, полазишь, придешь – дальше сможешь есть. Сейчас же уже не лезет, а ты давишься.

– Где лазить? – сдался Детто, вспомнив такое заманчивое предложение и через пару минут он стоял в одних штанах на бортике бассейна, дожидаясь пока Амендралехо скажет ему нырять. Его черные от загара плечики делали его похожим на мавритенка.

Амендралехо оставалось только сказать деточке походить босыми ногами по дну нащупать камешки, ответить может быть на вопрос зачем – дно чистить, но тут к вящему своему неудовольствию он краем глаза заметил, что по берегу идет она. Это было просто неприятно – попасться в самом начале, когда еще было свежо, и то что она опустилась до того, чтобы лично проследить, затушеввалось именно этим.

– Не стыдно тебе, ребенка заставляешь лезть в холодную воду. Ему же будет с покрывкой! – устыдила его Марселина, которую он спутал с Мальвази.

– Ничего, я купался уже здесь! – задорно прыгнул в воду Детто и с содроганием вскрикнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.